Два царя.

О чем, что Качалов, играть царя Федора, и можно узнать его замечта из «Руси», и правильно, стать его сообщения результатом бездействия из отношения театра галетного произвара?

— Качалов — Федор!! Это не складывалось из воображения. Как тому не казалось, что простая Федора не такой стеклянно неотъемлемым принадлежить Москвы, что такая поэтика вовсе не сбыть вовсе и удивлений, и протеста.

Получалось почти то же чувство, которое испытать бы настоящий европеодальный принц при виде, что его царь раздвадцать свой вместо трона.

А главное — Качалов...

Качалов в Качалов — можно по-видимому ей более время и более противоположным другу другу по художественным индивидуальностям?

Было удивительно, было жутко и интересно — до боли интересно.

Много раз видела я Москвина-Федора в Москве. Видела я в Первой смотрела и знала и другого по ему роли.

Для театрала было необыкновенно интересные вечера.

Разумеется, смотрела я не для того, чтобы сравнить этого, другого, а потому, что хотелось пить сть плюсом, а вечер — четыре сь минусом. По нему было интересно.

Прежде всего, кто-то так не должны, по сказанным, сценическому творчеству, стать его спектакля. Лица, не обладающие чувством театра, как человек, не отдавать автора самостоятельным художник, которым всякать кто-то.

— Творить — это именно суть, писчиль композитор, а актер — только первая тонная лестница; сыть мель [illegible] драмургии.

Точно неблагодаря не [illegible] писатель — отъ действительно [illegible] — и высоваться. Но их неблагодаря подходить, сказанъ, Лентулъ, Шиванъ, Кулакинъ; въ русской действительности — Тургеневъ, Толстой, Достоевскій. Тут сравнения одинаковы, потому что, потому что, и одинаковы лишь, потому что что есть лишь въ душе Лонгелова, Шиванъ, Кулакинъ, Тургеневъ, Толстого, Достоевскій.

Не есть границы; есть художественное средство и отклонения; и потому для меня борьба Москвина и Качалова не представлять было волнующимъ событием.

Пера ваять, такимъ вдохнувшимъ въ обращении по своимъ «стеклянным», представить, что по [illegible] Художественного театра выросли два гениальных поэта, два индивидуальности — Качалов и Москвин. Отвлекаю въ эффектный подъ [illegible] потому, что нельзя говорить о тонкъ, такой силой — гениальные.

То небывалое, что принесъ съ собою на сцену Москвинъ, — глубокій, вдумчивый чернокнижъ. Москвинъ — нѣтъ всякаго сравненія «русскій», что [illegible] нѣтъ. Перед нами, [illegible] «покойный русского народа на утлубляю свой душъ» с [illegible] вдумчивостью, [illegible] и [illegible] все, что можно разрушить: сказанно [illegible] и [illegible] нѣтъ [illegible] разрушить, что [illegible] понимаю Москвина, русскій человѣкъ, не большого роста, [illegible], [illegible] [illegible] говорить, — и сказалъ [illegible] дѣсятикомъ.

Сѣ, какого сказанно человѣка принесъ съ на сцену; простодушнаго, в себѣ на [illegible]: благостнаго и мудраго; мудраго и дерзкаго; [illegible] Луча, [illegible] [illegible] [illegible] сборника афоризмовъ, [illegible] [illegible] [illegible]